

ков прежней эпохи, и эти расправы представляют для масс ритуал ниспровержения старого режима.

Список источников и литературы

- Аничков 1998** – Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917 – 1922. – М., 1998.
- Зорина 1996** – Зорина Л.И. История Уральского общества любителей естествознания. – Екатеринбург, 1996.
- Нарский 2001** – Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. – М., 2001.
- Уральская жизнь 1917 (а)** – События 26 апреля // Уральская жизнь. – 1917. – 28 апреля.
- Уральская жизнь 1917 (б)** – Хроника // Там же. – 30 апреля.

A. M. Kruchinin

ЕКАТЕРИНБУРГ POGROM OF THE 26TH OF APRIL, 1917

The article considers the history of the revolutionary pogrom in Ekaterinburg in 1917. The main blow of the pogrom-makers, most of which were soldiers of reserve regiments, was directed at the symbols of the old regime – monuments, portraits and drawings of the state emblem on signboards. Demolishing of the monuments of an old regime is a common occurrence for revolutions and the ritual of its overthrow for the masses.

Key words: Ekaterinburg, revolution, monuments, portraits, pogrom, revolutionary rituals.

DOI 10.26170/vvi16-01-06

Код ВАК 07.00.03

V. Ф. Мезенцев

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мезенцев Виктор Федорович, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета (622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57); кандидат исторических наук, доцент.

Mezentsev Victor, associate professor of the Department of Humanitarian and Socio-economic Sciences of Nizhniy Tagil State Social-Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University (622031, Russia, Nizhniy Tagil, Krasnogvardeyskaya Street, 57); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (3435) 25-53-29. Электронный сайт/Web: <http://ntspi.ru>

В статье анализируются основные теоретические подходы и концепции, используемые современными западными исследователями революций, и перспективы теоретического осмысления этого исторического феномена.

Ключевые слова: теория революции, структуралистский и культуралистский подходы, Т. Скочпол, Дж. Голдстоун, Т. Уикхэм-Кроули.

Попытки теоретического осмысления феномена революции в историческом ракурсе вызывают типичную коллизию, осложняющую взаимоотношения между методологически ориентированными на социологические обобщения и позитивистскими по своему глубинному содержанию конкретно-историческими исследованиями.

Попытки дать ясную, точную и всеохватывающую формулу революции, как правило, вызывают скептическое отношение со стороны историков, погруженных в сложную и неоднозначную реальность фактов изучаемого исторического материала, поскольку часто теоретические обобщения сопровождаются вынужденным игнорированием множества конкретных особенностей политических, социальных, религиозных, национальных и прочих условий, без учета которых историк не может рассматривать изучаемое им явление. Так в коллективной работе, посвященной истории революций на Западе, ее редактор в вступительном очерке, выделяя некоторые объединяющие черты революций, одновременно отмечает как неизбежность различное понимание авторов, занимающихся конкретными историческими сюжетами этих общих черт, которые корректируются и дополняются особенностями каждой конкретной ситуации³³.

Наряду с этим, выделение неких сущностных, фундаментальных элементов, из которых складывается само явление революции, во-первых, вызывает дискуссии среди сторонников различных методологических направлений, во-вторых, даже если исследователь принимает некую конкретную концепцию, имеющийся фактический материал не в полной мере соответствует всем предполагаемым теоретически характеристикам самого исторического явления.

Тем не менее, теоретический анализ является важным ресурсом более глубокого изучения таких сложных явлений, как социальные революции. Этому посвящено большое количество работ зарубежных исследователей, к которым в последнее время можно добавить и ряд отечественных.

Прежде всего, вызывает сложность само определение понятия революции. Эта сложность имеет несколько аспектов. Так много дискуссий вызывал и вызывает вопрос разграничения социальной и политической революции, а также революции и других типов социальных выступлений. Наиболее признанным является в этом отношении став-

33 *Revolutions and the Revolutionary Tradition* 2000: 1.

шее классическим определением Т. Скочпол, которая определила социальную революцию как быстрое и основательное преобразование общества и его классовой структуры, сопровождаемое и отчасти дополняемое классовыми движениями (revolts) снизу. В противоположность социальной, согласно ее определению, политическая революция представляет собой трансформацию государственных структур без соответствующих изменений в структуре общества и классов. Социальные выступления (rebellions), в свою очередь, это восстания (revolts) угнетенных классов без каких-либо изменений политических или социальных структур³⁴.

Подобное определение, однако, вызывает вопросы, которые, по сути, и породили несколько отдельных направлений в изучении теоретических аспектов революции. Достаточно сказать, что только среди так называемого «государство-ориентированного» подхода специалисты выделяют четыре направления³⁵. Основной проблемой здесь является выделение государства, как автономного и самодостаточного элемента социальной организации. Можно ли говорить о вероятности изменения структур государства без каких-либо сопровождающих его разнообразных социальных изменений? Этот и подобные ему вопросы неизбежно влекут за собой необходимость изучения тех факторов и обстоятельств, которые вызывают, сопровождают и завершают радикальные трансформации общественного устройства.

Одним из важных аспектов изучения феномена революции являются временные границы этого явления. В одном случае речь идет об ограниченном во времени событии, в других случаях — о растянутом хронологически процессе, который может также включать и вызревание предпосылок революции, и ее отдаленные последствия.

Так Теда Скочпол, давая свое известное определение социальной революции, обращает внимание на то, что анализ революции не может быть ограничен только ее причинами и предпосылками, но обязательно должен учитывать итоги и последствия, мимо чего проходит основная масса исследователей³⁶.

Джэк Голдстоун отмечает, что большинство исследователей фокусируют внимание на причинах революции, однако очень важно также изучение того, что происходит после падения старого режима. Итоги революции не связаны напрямую с ее предпосылками, они определяются в процессе самой революции, которая начинается с того, что существующий режим теряет контроль над частью территории и населения³⁷.

34 Skocpol 1979: 4.

35 Goodwin 1997: 10.

36 Skocpol 1994: 5-6.

37 Goldstone 2014: 26.

В исследовании Бекера и Голдстоуна приводятся данные о продолжительности становления революционных режимов. Рассмотрев 47 примеров становления новых режимов после революционного свержения прежних, начиная с Нидерландской революции 1572 г. до революций в Восточной Европе в начале 1990-х гг., они пришли к выводу, что в среднем время утверждения нового революционного режима составляет восемь лет³⁸.

Расширение временного пространства, в рамках которого рассматриваются революционные процессы, создает более широкий контекст, способствующий пониманию сущностных изменений, которые происходят в результате революции в обществе, с другой стороны, это ведет к тому, что сама революция как некое особое явление, начинает растворяться в общем процессе развития общества. Возможно, это бывает оправданно, когда выделяется какая-то отдельная сторона происходящих в ходе революции изменений, но в случае расширения на все аспекты, грозит утратой гносеологической ценности самой категории революция для изучения динамики социального развития.

Еще одной проблемой, которая выходит на первое место в спорах между сторонниками различных подходов к анализу революций в истории, является сама возможность сравнительного изучения этих явлений, происходивших в различные исторические эпохи, на разных континентах и в разных культурно-цивилизационных условиях. Достаточно ярко это проявилось в дискуссиях между Т. Скочпол и ее оппонентами при обсуждении возможности применения структурного метода к изучению Великой французской революции. В то время как первая, будучи последовательным сторонником структуралистского подхода к исследованию революций, при котором главное внимание уделяется формированию и эволюции устойчивых во времени общественных структур, которые и определяют вероятность и формы революционных процессов, обращала внимание на такие долговременные факторы как финансовая система, административная и военная иерархия и т.д.; У. Сьюэлл и Л. Хант сделали упор на категориях идеологии, риторики, публичного политического дискурса, которые формировали, по их мнению, уникальность самой этой революции. Вступая с ними в полемику, Скочпол подчеркивала, что та же идеология лишь оформляет структурные по своей сути элементы революционного процесса³⁹. Т. Уикхэм-Кроули в связи с этим отмечает, что структурные ограничения по-разному проявляются на разных этапах развития революции, они имеют первоочередное значение в складывании предпосылок революции, в то время как культурные и идеологические факторы оказывают свое воздействие на ход революции уже после свержения прежнего

38 Becker, Goldstone 2005: 190.

39 Skocpol 1994: 327-330.

режима, когда возникшее пластичное состояние, исчезновение прежних упорядочивающих структур, создают больше возможностей для проявления культурных особенностей конкретного социума⁴⁰.

Результатом подобных дискуссий становится стремление сторонников структурного подхода найти структуры и в тех сферах, которые до этого были основным полем оперирования их оппонентов. Так шиизм и большевизм, которые в каждом конкретном случае связаны с особенностями революций в Иране и России, в рамках структурного подхода рассматриваются как идеологии, имеющие много общих черт (включая идеи равенства, дуалистического подхода к миру, исторической миссии и т.д.).

Различные варианты именно структуралистского подхода занимают основное место среди работ, посвященных теории революции. Как подчеркивает Т. Уикхэм-Кроули, выделение культурной специфики народов и революционных групп никак не позволяет ответить на вопрос о том, почему революция произошла именно здесь, а не в другом месте, именно в это время, а не в какое другое⁴¹.

Однако представители так называемого четвертого поколения исследователей, обращающихся к теории революции, полагают, что структуралистский подход как жесткая и ограничивающая конструкция, должен быть дополнен некоторым элементом человеческой индивидуальности. «Я уверен, что возможно создать хорошо продуманную и аргументированную теорию, которая признает силу и влияние, как людей, так и структур», – утверждает Эрик Селбин, и в качестве подтверждающего его интенцию материала обращается к латиноамериканским революциям, которые, по его мнению, как раз и демонстрируют как «сознательный выбор и намеренные действия людей играют критическую роль в процессе революции»⁴².

Главная проблема, которую пытаются решить Э. Селбин и его единомышленники, состоит в том, как объяснить и обосновать связь между социальными, политическими и иными объективно существующими структурами и субъективной по своей природе активностью людей, в первую очередь революционных лидеров, которые осуществляют радикальные перемены. Основное внимание здесь уделяется тому, как революционные идеи и идеалы концентрируются и выполняют мобилизующую функцию в рамках революционного процесса. В том числе отмечается значимость накопления революционного опыта, примеров успешных и неудачных революций как факторов, носящих объективный характер, но влияющих на субъективные намерения и действия людей. Сторонники этого похода значительное место уделя-

40 Wickham-Crowley 1997: 41.

41 Ibid: 61.

42 Selbin 1997: 119.

ют разработке таких концептуальных категорий, как коллективная память и символическая политика.

В целом, теоретическое осмысление революций в истории переживает подъем, открываются новые аспекты и проблемы. Отмечается, что само понимание революции связано с пониманием всех тех условий, которые сложились в новое время, эпоху модернити. Не всегда осознаваемое современниками, но отчетливо видимое в ретроспективе, понимание революции как создающей новый мир, которого раньше не существовало, и формирует революцию именно как явление исторически характерное именно для периода становления современного общества⁴³.

Следует отметить также постоянное развитие теоретических построений, направленных на более широкий и всесторонний охват революционных факторов и процессов⁴⁴.

Список источников и литературы

- Голдстоун 2006** – Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5 (56). – С. 58-103.
- Becker, Goldstone 2005** – Becker J., Goldstone J.A. How Fast Can You Build A State? State Building in Revolutions // States and Development: Historical Antecedents of Stagnation and Advance / Ed. by Matthew Lange and Dietrich Rueschemeyer. – Palgrave, 2005.
- Goldstone 2014** – Goldstone J. Revolutions: A very short introduction. – Oxford, 2014.
- Goodwin 1997** – Goodwin J. State-centered approaches to social revolutions: strengths and limitations of a theoretical tradition // Theorizing revolutions / Ed. by John Foran. – L.: Routledge. 1997.
- Revolution 2005** – Revolution // New dictionary of the history of ideas / ed. by Maryanne Cline Horowitz. – Thomson Gale, 2005. – Vol. 5. – P. 2113-2118.
- Revolutions and the Revolutionary Tradition 2000** – Revolutions and the Revolutionary Tradition In the West 1560–1991 / Ed. by David Parker. – London and New York: Routledge, 2000.
- Selbin 1997** – Selbin E. Revolution in the real world: Bringing agency back in // Theorizing revolutions / ed. by John Foran. – L.: Routledge. 1997.
- Skocpol 1979** – Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

43 Revolution 2005: 2113-2118.

44 Голдстоун 2006: 58-103.

Skocpol 1994 – Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Wickham-Crowley 1997 – Wickham-Crowley T.P. Structural theories of revolution // Theorizing revolutions / ed. by John Foran. – L.: Routledge. 1997.

Victor F. Mezentsev

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE THEORY OF REVOLUTION IN THE MODERN WESTERN STUDIES

The article analyzes the main theoretical approaches and concepts used by modern western researchers of revolutions and perspectives of theoretical understanding of the historical phenomenon.

Key words: theory of revolution, structural and cultural approaches, T. Skocpol, J. Goldstone, T. Wickham-Crowley.

DOI 10.26170/vvi16-01-07

Код ВАК 07.00.02

М. Н. Начапкин

МИРОВОСПРИЯТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНСЕРВАТИВНЫХ КЛАССОВ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДНЕВНИКАХ ОЧЕВИДЦЕВ

В статье рассматриваются воспоминания представителей консервативных классов – публицистов, дворян-помещиков, деятелей земского управления, мещан, посвященные оценке революционных событий 1917-1918 гг. Проведен анализ роли революции, которую она сыграла не только в судьбе отдельных людей, но и всего русского народа. Восприятие революционных событий показано глазами современников. Это очень важно для современного понимания революции 1917 г.

Ключевые слова: анархия, революция, воспоминания, консерватизм, дневники, катастрофа, насилие.

Начапкин Максим Николаевич, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11); кандидат исторических наук, доцент.

Nachapkin Maxim, associate professor of the Department of office documentation, history and legal support of Russian State Vocational Pedagogical University (620012, Russia, Ekaterinburg, Mashinostroiteley street, 11); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 338-44-37. Электронная почта/E-mail: maks.nachapkin@mail.ru